

— Уф, чёрт, — мозг тщетно пытался воспринять не предназначенные для человеческого сознания картины Бездны и Междумирья. Взамен недовольный орган «награждал» свою хозяйку чувством головной боли и вращающимся перед глазами кошмаром художника-абстракциониста, от одного вида которого начинала кружиться голова, а желудок подкатывал к горлу.

— Перерождение, значит, — сказала я, когда самочувствие пришло в относительную норму, а воспоминания о нематериальных пространствах потускнели и скрылись в глубинах сознания, забрав с собой память о ненависти, страхе, безнадёге и подкатывающем безумии.

Или сказал?

Неожиданная проблема с гендерной самоидентификацией отвлекла от неприятных воспоминаний, несколько выбив из колеи.

«Хм, тоже ещё закавыка, — проскочила недовольная мысль. Технически, обладая телом девушки, говорить и мыслить о себе следовало в женском роде. Но почему тогда эти мысли вызывают внутри чувство неправильности? — Ведь я — девушка, и всегда ей была».

«Нет, — не согласилась память Виктора, — я всегда был парнем! И пусть у меня теперь нет яиц, но духовно — они со мной, хе-хе!»

«М-да, не знаю, как с яйцами, но своё тупое чувство юмора моя земная часть умудрилась сохранить даже после смерти, — на губы, против воли, напознала лёгкая улыбка. — Он и Кей Ли легко нашли бы общий язык».

Ладно, возможно, следовало зайти с другой стороны. Воображение нарисовало перед глазами картину полуобнажённой красотки, идущей навстречу с вполне недвусмысленными намерениями. Почему-то черноволосая и алоглазая девушка подозрительно напоминала сестру.

Представший перед глазами образ вызвал внутри волну одобрения.

Идём дальше: на месте красотки оказался накачанный мужик, с паскудной улыбкой протягивающий в мою сторону руки. Протянутые куда не надо хваталки сразу захотелось отрубить, желательно вместе с головой владельца.

Вот и ответ. Что, в принципе, неудивительно: я-землянин имел достаточный сексуальный опыт общения с девушками, благо, стоявший неподалёку от alma mater мединститут неплохо этому способствовал. Опыт же меня-Куроме ограничивался невнятными мечтами о «прекрасном принце», почерпнутыми из книг.

«Хех, розовый цвет, я выбираю — тебя! ...Но думать о себе в мужском роде? Как-то это... С другой стороны — почему нет? — Путаться в окончаниях мне бы особо не пришлось. В этом

плане имперский язык больше походил на английский из прошлой жизни, чем на родной русский. К тому же хотелось сохранить хоть что-то от прошлого воплощения, пусть и таким странным образом. Ведь что осталось у Виктора? Ни родных, ни друзей, ни тела, ни жизни. Только память с именем, да и та... Кто мог гарантировать, что она постепенно не сотрется? — А-а... плевать! Хочется думать о себе в мужском роде, да и хрен с ним! Всё равно это актуально только для русского языка, — я поставила... поставил локти на стол и упёрся лбом в ладони. — К тому же это — меньшая из проблем».

Вот кем мне теперь себя считать? Виктором в новом теле? Или Куроме, получившей новые воспоминания? Чем-то третьим? С одной стороны, я представлял собой одну личность с двумя наборами воспоминаний. С другой — слишком уж разный жизненный опыт был у моих «граней».

Нет, хватало и общих черт. К примеру: обе мои личности любили книги, музыку и сладкое. Или, ха-ха, то, что в играх Виктор предпочитал класс некроманта. Да уж, мечты сбываются, блин!

Но и вызывающих внутренний конфликт различий оставалось немало. Например: даже не смотря на основательно испортившийся после аварии характер, я-Виктор вряд ли смог бы хладнокровно убить её виновника-мажора. Зато я-Куроме никаких моральных терзаний по отношению к убийце своих близких, пусть и невольному, не испытывала. Да... окажись я на Земле, то сначала бы его хорошенько помучила, а потом, превратив в мертвую марионетку, отправила ублюдка вырезать собственную семью.

Воспитание и профессия накладывают свой отпечаток.

И что теперь делать? Как мне казалось, ничего хорошего такая раздвоенность не принесёт. Дрогнет рука, и вместо того, чтобы прирезать врага, я получу меч в брюхо.

Или кто-то из группы получит.

«Нет! Я не позволю им умереть, только не из-за меня! — с силой сжав зубы, подумал я, — не хочу больше никого терять! Нас и так осталось слишком мало».

Перед глазами встали лица погибших товарищей.

— Ребята... — еле слышно прошептали мои губы. — Надеюсь, ваша следующая жизнь будет счастливее этой. И да минует вас Бездна».

«Чёрт! Почему память вернулась именно сейчас? Почему не раньше? Может, тогда удалось бы что-нибудь придумать, хоть кого-то спасти! Или уговорить сестру не предавать Империю и остаться со мной».

— Акаме, почему ты меня бросила? — Из памяти всплыла фигура красноглазой девушки с длинными чёрными волосами и катаной на поясе. — Нам ведь было хорошо вместе. Предательница!

«Что? Почему я думаю, что сестра не предательница? Почему из глубин души поднимается злость? И почему она направлена не на сестру, не на мятежников, к которым она сбежала, и которые убили столько моих друзей, а на наше командование и имперскую власть?!»

В голове словно что-то щёлкнуло и с хрустом встало на место. Перед внутренним взором начали мелькать воспоминания этой жизни, проходя через призму восприятия новой, объединённой личности.

Родилась я в одной из имперских деревень. Жили неплохо, почти богато. По крайней мере, даже несмотря на повышенную прожорливость, нам со старшей сестрой голодать не приходилось. Даже мясо на столе бывало не столь уж редко.

В худшую сторону всё поменялось на пятом году жизни. Сначала деревенские мужики на охоте нарвались на опасного зверя, который убил брата отца и серьезно ранил его самого, заставив сильно потратиться на лечение. Потом слишком засушливое лето погубило большую часть урожая, а сборщик налогов сказал, что теперь будет собирать вполтину больше. Мужики решились снова выйти на охоту, но так как большинство охотников погибло в прошлый раз, ничего хорошего из этой затеи не вышло.

В деревню пришёл голод.

— Доченьки, вы сильные, вы обязательно выживете! — сквозь слёзы говорила мама. — Акаме, приглядывай за младшей сестрой и не давай ей делать глупости. А ты Куроме, слушайся её и держись рядом. Делайте всё, что вам говорят и держитесь вместе, — темно-серые глаза рано постаревшей женщины, что в прошлом мире считалась бы довольно молодой девушкой, горели лихорадочным блеском. — Всё будет хорошо, вот увидите!

«А ведь ей лишь немного за двадцать», — сквозь воспоминания, отстранённо подумал я.

Отец не проронил ни слова, лишь проводил меня с сестрой и двух выкупленных вместе с нами мальчишек взглядом, полным бессильной тоски и злобы. Резко развернувшись, он, прихрамывая, ушёл.

Место, куда нас привезли, представляло собой огороженные бревенчатой стеной бараки, площадку перед ними и полосу препятствий вдоль стены.

Сначала всех новоприбывших погнали мыться. Забрали старую одежду, взамен неё выдали шорты с майкой из чёрной эластичной ткани и светлую накидку.

За порядком следили злые солдаты в светлой форме с «нагрудником» из чёрной ткани, по трое на каждый барак. Били даже за намёк на непослушание.

Первые пару дней новичков особо не трогали, и мы только спали и ели. Кормили мясной похлёбкой, которая нам тогда показалась пищей богов. А главное — брать её можно было сколько угодно.

Когда все отдохнули и немного отъелись, мы присоединились к другим детям и с утра до вечера, с небольшими перерывами на отдых и еду, начали бегать по полосе препятствий. Отстающих, нытиков или, по мнению солдат, слишком ленивых стимулировали тычками и ударами палок.

— Если вы хотите пройти экзамен, то должны тренироваться изо всех сил, — с пакостной улыбочкой говорил их главный. Или, как он себя приказал называть, господин сержант Сэмвелл.

Через пару недель, когда все бараки оказались полностью заняты, нас вместо привычной тренировки заставили построиться. Сержант объявил, что грядёт экзамен. А для его прохождения нам всего лишь нужно пробежать через рядом расположенный лес и добраться до указанного места. На последних, от чего-то его развеселивших словах, сержант засмеялся.

В день испытания, когда мы добрались до начальной точки маршрута, каждому выдали боевой нож.

— Будете отбиваться от лесных зверушек, — пояснил сержант, — а ещё этим прекрасным ножом можно зарезаться, кха-ха-ха! Каждый, кто доберётся до вершины того холма, — Сэмвелл махнул рукой в сторону торчащей на расстоянии километров трёх возвышенности, — считается прошедшим. Повторяю! Пройдёт любой, кто сможет пробежать до точки сбора, вас там встретят. Но первые несколько счастливых получают особую награду!

— Господин сержант Сэмвелл, — выкрикнул детский голос из толпы, — Что будет с теми, кто не добежит?

— А я не говорил? — оскалился сержант. — Империи не нужны слабаки и неудачники, и потому они сдохнут! Так что шевелите булками! Время пошло!!!

Дети плотной кучей устремились вперёд.

Лес просто кишел хищными монстрами, которые, лишь стоило забежать чуть глубже, набросились на нашу толпу. Сейчас я понимал, что никого по-настоящему опасного там не было, да и монстров сбежалось не так уж много, но тогда всё выглядело совсем по-другому.

Кто-то в панике бросился назад, кто-то застыл в ступоре, кто-то оказался сбит с ног и затоптан другими детьми. Некоторых разорвали чудовища... но большинство, разбежавшись в стороны, смогло продолжить свой путь.

Вскоре со стороны края леса, где остались сержант с солдатами, раздались выстрелы и жалкие детские крики, показывая, что трусов ничего, кроме смерти, позади не ждало.

Вокруг звучал плач, крики боли, страха и хищный рык зверья, дорвавшегося до живой плоти.

— Быстрее! — воскликнула Акаме и схватила меня за руку, — бежим, пока чудовища отвлеклись!

И мы, стараясь не обращать внимания на кровь и крики, изо всех сил устремились вперёд.

— Се... сестра, я больше не могу бежать, — сказала я и, остановившись, уперлась руками в колени.

— Мы почти на месте, мы сможем, Куроме!

Через пару минут мы, слегка отдышавшись, продолжили путь. Пройдя ещё немного, мы наткнулись на ужасную картину: гигантская помесь лианы и венериной мухоловки, не обращая на нас внимания, пожирала трупы обогнавшей нас группы детей.

— Там нам не пройти! — крикнула Акаме, — пошли, найдём другой путь!

— И-их съели... — вырвалось у меня, когда я как замороженная смотрела на продолжающую подёргиваться в одной из пастей ножку.

Сестра, схватив меня за руку и пристально посмотрев своими кроваво-красными глазами в мои, попыталась успокоить:

— Всё хорошо, — твёрдо сказала она. — Старшая сестра всегда будет рядом с тобой.

— Хорошо, — уверенный голос Акаме помог взять себя в руки.

Когда мы побежали дальше, из-за дерева выпрыгнул крупный пёс и, вцепившись зубами в накидку, повалил меня на спину.

— А-а-а! — закричала я от страха и неожиданности.

— Куроме! — воскликнула сестра и неразлично быстро оказалась рядом. Пробив ножом шею пса в районе позвоночника, она сбросила с меня зверя, в несколько раз более тяжёлого, чем она сама.

Через несколько секунд, когда Акаме пыталась вытащить засевший в шее собаки нож, я, упершись руками в землю, села...

И увидела второго пса, который уже начал прыжок в направлении сестры, стоявшей к нему спиной.

Время, казалось, застыло. Я сквозь загустевший воздух рванула навстречу неторопливо летящему зверю. В тот момент я, как и многие из выживших детей, впервые пробудила свои способности.

«Не смей прикасаться к моей сестре!»

Клинок на удивление легко вошёл в плоть, и я, рванув его в сторону, почти перерубила шею мерзкой твари. Чтобы, через мгновение выпав из этого странного состояния, оказаться отброшенной телом зверя. К счастью, во время удара я стояла немного сбоку, и поэтому ещё не понявший, что он мертв, зверь не смог меня укусить или повалить под себя.

— Прости, сестрёнка, но дальше я идти не смогу, — всё тело отдавалось болью от ушибов и слабостью, сердце тяжело стучало в висках, а перед глазами темнело.

— Я тебя донесу! Мы уже почти пришли, залезай! — сказала Акаме и, наклонившись, помогла забраться себе за спину.

Когда мы добрались до финиша, нас встретили двое. Один постарше, лысый, гладко выбритый, в длинном сером плаще с высоким воротником и моноклем в глазу. Другим был блондин лет тридцати, с короткой бородкой и волосами чуть ниже плеч. Одет в белую рубашку и тёмные брюки, вокруг шеи перекинут длинный шарф, а на поясе висела катана.

— Вы хорошо постарались. Экзамен пройден, теперь вам надо залечить свои ранения, — сказал лысый.

— У нас получилось! Мы справились, Куроме!

— Ага! Спасибо тебе, сестра! — внутри мешались эмоции радости и неверия, что всё, наконец, закончилось.

Акаме со мной на спине направилась в сторону палаток с изображением креста на входе.

Через некоторое время, когда наши раны обработали и перевязали, в помещение вошёл блондин с катаной.

— Результаты экзамена: Куроме получает ранговый номер 8, Акаме — 7. Просто чудо, что ты получила его, ведь ты ещё и свою сестру защищала, Акаме. Вас будут тренировать отдельно друг от друга. Акаме — пойдёшь со мной. Куроме — тебя заберёт Империя.

— Нет! Куроме останется со мной! — обняла меня Акаме.

— Сестра... — схватив её изо всех сил и, уткнувшись лицом в грудь, осипшим голосом, проговорила я. На глаза нависали слезы.

Блондин картинно щёлкнул пальцами. В палатку тут же ворвались двое солдат, с лёгкостью разорвавших наши объятия. Один с силой вдавил Акаме в кровать, а другой потащил меня на выход.

— Не волнуйтесь, это всего лишь временная мера, — как ни в чём ни бывало продолжил обладатель меча. — Если будете умницами, то сможете когда-нибудь снова увидеться, обещаю.

— Сестра!

— Куроме!!!

— Не грусти, Акаме. Я — твоя новая семья, можешь звать меня отцом, — донеслось из удаляющейся палатки.

«Вонючий кусок дерьма! Жаль, что он уже сдох от руки Акаме!» — прорвалось сквозь воспоминания. Впрочем, не факт, что у меня даже сейчас получилось бы его убить. Слишком силен и опытен был. Но марионетка из него могла получиться отменная, даже без тейгу.

Пройдя метров десять, солдат поставил меня на землю.

— Шагай давай! Или ты думала, что я тебя всю дорогу буду тащить, малявка?! — проворчал он и грубо толкнул в сторону построившихся перед Лысым детей.

— Меня зовут командир Билл. Вы все смогли выжить и пройти испытание, но не попали в семёрку лучших! — заложив руки за спину, обратился к нам плащеносец. — И теперь переходите под моё руководство. Каждому из вас был присвоен номер в рейтинге. Номер может быть изменён в зависимости от результатов ваших тренировок. Занявшие первые позиции в Рейтинге будут поощрены, последних ждёт наказание...

Наш новый командир продолжал говорить, но я его уже не слушала, из глаз текли слёзы, а я судорожно пытаюсь подавить рвущиеся наружу рыдания. Сержант Сэмвелл и его подручные крепко вбили в нас знание, что раздражать старших рёвом — нельзя и больно.

После экзамена начались тренировки, которые давались неожиданно просто. То, что раньше выходило с трудом, теперь выполнялось с лёгкостью. Дело в том, что я стала сильнее. Все мы в большей или меньшей степени стали. В том и заключался смысл этого бесчеловечного, но в каком-то смысле рационального испытания: из сотен собранных по стране необычных детей выделить самых одарённых, а от остальных избавиться.

Но даже когда нас начали учить сражаться, я быстрее всех осваивала новые движения и приёмы. И несмотря на то, что в группе была самой маленькой по возрасту и росту, побеждала в подавляющем большинстве спаррингов. Главный инструктор говорил, что у меня есть талант воина.

Отношение инструкторов выгодно отличалось от людей Сэмвелла. Ну, по крайней мере, к тем, кто не отлынивал. Впрочем, даже самых бестолковых наказывали только за дело, а не из любви к процессу. Для лидеров списка и вовсе имелся целый список предпочтений: здесь и возможность заказать в столовой что-нибудь вкусненькое, и большее количество свободного времени, да и само отношение, опять же. Но и не будь всего этого, я бы не прекратила стараться. Чтобы войти в Элитную Семерку и снова быть вместе с Акаме, мне нужно стать лучшей!

Кроме навыков боя, в обучении которым по какой-то (странной на мой нынешний взгляд) причине делали упор на индивидуальное мастерство, практически не затрагивая работу в отряде, нас учили и другим дисциплинам. Ну, как учили? Результаты в небоевых предметах на позицию в Рейтинге почти не влияли. Поэтому никто особо не напрягался, воспринимая эти уроки скорее как возможность отдохнуть после физических нагрузок. Хотя находились и те, кому было действительно интересно.

Учебная программа тоже выглядела довольно непонятно. Счёт, Письмо, Биология с упором на изучение полезных и опасных сторон растений и животных, чтение и составление карт, оказание первой помощи и т. д. — всё это для будущих убийц на службе Империи полезно и логично. Но для каких целей в учебный план впили Литературу, Каллиграфию и Изобразительное Искусство, для меня осталось загадкой. Наверное, потому же, почему проигнорировали основы тактики, установку/выявление засад и ловушек и другие вещи, которые даже такому неспециалисту как я-Виктор пришли бы в голову при мысли о подготовке спецназа. Хотя стоило признать, что в будущем «бесполезные» дисциплины пригодились для составления отчётов о заданиях и для общения с гражданскими.

Вот Историю Империи (или, скорее, пропаганду с элементами истории) нам начали преподавать едва ли не раньше, чем умение сражаться. И это был чуть ли не единственный теоретический предмет, знания которого действительно спрашивали. Правда, с упором не именно на знание истории, а скорее на понимание «политики партии» и «текущего момента».

Позже мне довелось узнать, что учебный план составляли при личном участии нашего командира, которого после экзамена несколько ближайших лет мы практически не видели. Как потом выяснилось, лучше бы он и вовсе не появлялся.

Семь с небольшим лет учебы светлым пятном остались в памяти. Никто за это время так и не смог сместить меня с восьмой позиции списка (первые семь мест прочно занимала Элитная Семерка). Все мы подружились и старались друг друга поддерживать. Для остальных ребят я стала кем-то вроде образца для подражания и одновременно всеобщей младшей сестрёнки. Последнее порой раздражало, но долго на них злиться не получалось. Будущее казалось безоблачным, а воображение рисовало картины того, как Защитники Империи, со мной и Акаме во главе, повергают армии мерзких иностранных варваров, мятежных дворян, бунтовщиков и предателей.

Неприятности, как это часто бывает, пришли, когда их никто не ждал. Сначала объявился наш лысый командир, имевший, как выяснилось, чин генерала разведки. Потом он по какой-то причине разругался с главным инструктором Базы. После ухода инструктора Джона и его помощников командир Билл объявил, что теперь возьмёт наши тренировки под личный контроль.

Новые наставники, пришедшие на место команды Мастера Джона, больше орали, чем учили, и вообще относились к нам довольно настороженно, будто к опасным зверям. Сами виноваты, не стоило этим отбросам строить из себя невесть кого и приставать к нашим девчонкам. Приходилось больший упор делать на самоподготовку, чему наши «инструктора» ничуть не возражали, предпочтя роль следящих за порядком надзирателей.

Через месяц генерал объявил, что нас усилят особым лекарством. В течение недели нам кололи какую-то гадость, от которой тошнило и путались мысли. Потом доктор, появившийся вместе с командиром, объяснил, что теперь мы должны каждый день пить специальные таблетки, иначе нам станет плохо. Те же таблетки, если повысить дозу, и были «усиливающим лекарством».

После приёма стимулятора возможности и скорость роста навыков большинства учеников нашей Подземной Базы действительно серьёзно увеличились, особенно у отстающих. Те же, кто и до того числился в лидерах, такой уж сильной прибавки не ощутили. Зато чувство эйфории, ложной силы и неуязвимости, возникающее после приёма «лекарства», мешало сосредоточиться на бое. Приходилось учиться контролировать себя в таком состоянии.

Также нам приходилось ходить на некие «процедуры». Нас заставляли садиться в кресло с расположенными по бокам странными динамиками, а в вену вставляли иглу от капельницы. Затем из динамиков начинал звучать странный шум вперемешку с голосами, и память отключалась. После, как я теперь понимал, обработки гипноустройством в голове сильно путалось и шумело в ушах, а выученная назубок пропаганда начинала казаться непреложной истиной.

Скоро командир решил, что с нас достаточно обычных тренировок, и теперь мы должны научиться убивать. Для этого он договорился с начальством рядом стоящей тюрьмы. И мы, разбившись на пятёрки, каждую неделю под его личным контролем выполняли работу палачей, отрабатывая удары своим оружием на выстроенных перед нами смертниках.

Поначалу было страшно и мерзко рубить связанных, кричащих от страха людей. Но потом я, как и все, привыкла, начала относиться к этому как к рутине. Не обращая внимания на вопли и мольбы смертников, я больше следила за тем, чтобы убить свою жертву с одного удара и не запачкаться. Неудачников, которые не сумели справиться за один удар, ждала уборка площадки для казней.

К сожалению, команды несли коллективную ответственность, и нам впятером, благодаря блондинке Ремус, частенько приходилось заниматься этой неблагодарной работой. Наверное, это занятие и лишило нас последнего трепета перед видом мёртвых изуродованных тел, но никто из группы и не думал выражать Ремус благодарность.

Хочешь убить сразу — руби голову или протыкай сердце! Ремус же, теряясь, так и норовила попасть куда-нибудь в лёгкое, желудок или вообще — испортить воздух, вскрыв несчастному брюхо. И ведь не сказать, что она никудышный боец. Не самый хороший, но и не последний в списке. Знай я её похуже, решила бы, что она специально заставляла своих жертв помучиться. К счастью, больше ни у кого в группе проблем с этим не возникало.

Были в новых занятиях и хорошие моменты. После начала тренировок на смертниках нас стали гораздо меньше контролировать и разрешили в свободное время (которого тоже стало больше) гулять по Столице. Даже начали платить деньги, на которые мы смогли купить себе новую одежду и вообще тратить по собственному усмотрению.

В принципе, всё шло не так уж и плохо.

Пока не начались долгожданные многими задания, которые во всей красе показали, кем в действительности мы являлись для командования.

Нашим первым заданием стало уничтожение шпионов, которых выкурили из окрестных со Столицей деревень с помощью симитированной эпидемии. Нам, как «группе А», достался самый многочисленный отряд.

— Внимание. Повторим план операции в последний раз, — произнёс Натал — голубоглазый блондин пятнадцати лет, вооружённый глефой.

— Так точно! Фортуна улыбается только тем, кто к этому готов, не так ли? — поддержала его вечно пытающаяся напустить на себя строгий и серьёзный вид кареглазая брюнетка с волосами до подбородка — Ву Минг.

— Наша цель — шпионы, которые укрывались в деревнях близ Столицы, — стараясь продемонстрировать уверенность, продолжил Натал. — Другая группа выманила их в нашу сторону. Наше задание — убить каждого, кто появится тут.

— Д... да, так точно! Давайте постараемся! — нервозно отозвалась Ремус.

— Да мы даже с закрытыми глазами справимся! Проще простого! — с бравადой сказала Гин — обладательница шикарного бюста, хвоста светло-блондинистых волос и двуручного тесака.

— Гин, а у тебя руки трясутся, — подколот её Натал.

— Хм! Это они от нетерпения трясутся, идиот!

— Всё хорошо, — спокойным голосом проговорила я. — Просто действуем как обычно. Ведь все наши тренировки были именно ради этого момента.

— Точно! Всё как сказала Куроме, — поддержала меня Ву Минг.

— Я слышала, что уровень смертности на первых заданиях очень высок, но... Ребята, не умирайте! — Пожелала нам всем Ремус.

— Конечно же мы не умрем, — улыбнулся Натал. — Мы выживем!

Глупая атака в лоб на три десятка вооружённых бойцов просто не могла пройти гладко.

Тут во всей красе показал себя почти отсутствующий у нас опыт групповых боёв. Вместо того, чтобы держаться рядом и прикрывать товарищей, мы разделились. Принятый стимулятор тоже внёс свою лепту, мешая трезво мыслить и отслеживать обстановку.

Сначала подловили и тяжело ранили отвлекшуюся от боя Ремус, насквозь проткнув копьем живот и почку. Потом Ву Минг нарвалась на превосходящего её по силам и умениям воина духа, который своим топором, несмотря на выставленный блок, разрубил меч и располовинил девушку от головы до промежности. Мы с Гин и Наталом, являясь одними из лучших воинов нашего центра подготовки, расправились со своими противниками почти без проблем. Я лично снесла голову убийце подруги, но легче от этого не стало.

Когда мы вернулись, привезя с собой на изъятой у мятежников телеге раненую Ремус и останки Ву Минг, Командир был, мягко говоря, не доволен. Как выяснилось, только нашей группе не повезло нарваться на столь сильный отряд и понести потери. В наказание, нас посадили в карцер и лишили дозы «лекарства», позволив до утра «наслаждаться» ломкой.

«Лысый ублюдок! Как будто мы виноваты в том, что сражались не как нужно, а как нас учили!»

Утром нас освободили из карцера и приказали следовать в актовый зал, где Командир решил выступить с речью. Когда все собрались, он объявил, что Ремус, получив тяжёлое ранение, потеряла возможность сражаться. Став бесполезной для Империи, она была утилизирована.

Явно наслаждаясь произведённым эффектом, генерал певчей птицей продолжал разливать о нашем долге перед страной, о необходимости быть сильными и о том, что Империя не настолько богата, чтобы кормить слабаков и идиотов. Но я, как и другие ребята, его не слышала, будучи оглушена прозвучавшей новостью.

Картина светлого будущего окончательно треснула и, разлетевшись на мелкие осколки, рухнула в пучины мрака.

Дальнейшие воспоминания не несли ничего нового. Я и так неплохо помнил последующие миссии, которые мы с Гин, Наталом и ещё одной девушкой и парнем продолжали выполнять. Некоторые из заданий на взгляд землянина были достойны фашистских карателей.

Также я помнил и встречу с группой Акаме, которая спасла нашу троицу из плена. И присоединение нашей выжившей троицы к Элитной Семерке, взамен погибших.

...Гибель Гин, которую буквально сожрали изнутри жуки долбанутой инсектомантши... другие смерти...

Воссоединение с сестрой стало, пожалуй, единственным по-настоящему светлым моментом после окончания учебы. Правда, просматривая воспоминания новыми глазами, я мог заметить, как, выполняя задания и теряя товарищей, Акаме всё сильнее разочаровывалась в Империи и том, что мы делали. Не удивительно, что в какой-то момент она решила уйти.

Когда сестра предложила бежать вместе с ней, это стало для меня настоящим шоком. Самый дорогой человек предлагал немыслимое — предать Империю! Шок, непонимание, жгучая обида... Что из этого было моими чувствами, а что навеяно гипнозакладками? Я и теперь не имел понятия. Даже сейчас поступок сестры казался предательством тех, кто умер и тех, кто остался жить. Пойди я тогда с ней, и в будущем пришлось бы сражаться против бывших товарищей.

Элитную Семёрку никто не пичкал ни наркотиками, ни гипнозакладками, ни особой пропагандой. Сестра с её обострённым чувством справедливости, насмотревшись на тёмные стороны Империи вместе с тем, что представляли собой командиры и имперские чиновники, вряд ли могла поступить иначе. Да и убийства поддерживающего мятежников мирного населения были для неё неприятным испытанием. Семёрку явно не учили на смертниках.

Так или иначе, сестра сбежала, убив преследующего её «приёмного отца» Гозуки (туда и дорога) и одну из Семёрки — Тсукиши (сокомандницу было немного жаль).

Была ли предательницей сестра — или те, кто спровоцировал её уход? Неприятно осознавать, но с характером Акаме её рано или поздно устранили бы. Она совсем не проявляла восторга от нынешней Империи и, что опаснее, не умела молчаливо терпеть несправедливость.

После побега Акаме новый командир Маркус, пришедший на место убитого сестрой Билла, выдал новые наркотики, сказав, что я смогу стать ещё сильнее и заменить предательницу. В душе воцарились холод и пустота.

Лишь Натал и его поддержка хоть как-то помогали держать себя в своём уме. Если б и он меня оставил, наверное, я бы полностью спятила.

Когда друга, ставшего мне как брат, подстрелили на западной границе, на миссии в деревеньке Тэкидо, я была на грани. К счастью, рана оказалась не такой уж опасной, и за пару недель Натал пришёл в порядок. Увы, нас тогда ждали, и битва двумя группами против сотен повстанцев не прошла без потерь. Мятежники пригнали далеко не худших людей, но разбить нас не смогли, жестоко поплатившись за недооценку.

Остатки двух групп расформировали и создали новую группу А. Теперь мы стали Элитным Отрядом.

Акаме и Куроме в тренировочной одежде:

<http://tl.rulate.ru/book/57083/1458926>